

С.А. Нефедов

К ПРОБЛЕМЕ ДОСТОВЕРНОСТИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ЦСК МВД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЦСУ СССР

Статистические данные о посевах, сборах, численности населения лежат в основе практически всех исследований по экономической истории, и проблема их достоверности является одной из важнейших проблем источниковедения. До 1990-х гг. специалисты (иногда с небольшими оговорками) доверяли официальным данным Центрального статистического комитета (ЦСК) Министерства внутренних дел России и Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР и широко использовали их в своих работах. Однако после 1991 г. достоверность этих данных была поставлена под сомнение некоторыми авторами, что привело к разрушению источниковой базы многочисленных исследований, выполненных в предыдущий период, и к ситуации неопределенности в дальнейшем использовании материалов официальной статистики.

Обратимся сначала к рассмотрению ситуации, сложившейся в оценке данных дореволюционной урожайной статистики. В период 1883–1917 гг. данные об урожаях собирались Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, Министерством земледелия и земствами. Известно, что для сбора данных ЦСК через волостные правления распространяло около 100 тыс. стандартных анкет с вопросами об урожайности и посевных площадях. С другой стороны, Министерство земледелия использовало сеть добровольных корреспондентов, которые предоставляли сведения, как о своих хозяйствах, так и о хозяйствах соседей. Этим корреспондентам было сравнительно немного (до 8 тыс. человек), они обычно принадлежали к числу крупных и успешных хозяев, и в силу этой специфики поставляемые ими сведения об урожайности, с точки зрения самого Министерства земледелия, были завышенными¹. В 1893 г. А.Ф. Фортунатов установил, что это превышение (по сравнению с данными ЦСК) со-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-Урал 07-01-83109 а/У

ставляет примерно 7%². А. Ф. Фортунатов соглашался с тезисом о завышенности корреспондентских данных Министерства земледелия, но полагал что цифры ЦСК, в свою очередь, несколько занижены, то есть реальная урожайность заключена где-то посредине³. В 1915 г. Д.И. Иванцов сравнил различные данные об урожайности ржи по 18 губерниям за период от 7 до 26 лет и подсчитал, что в среднем указанное превышение составляет 11–12%, а цифры земств превышают цифры ЦСК на 9–10%⁴. Сравнение посевных площадей было проведено за один год для пяти губерний; данные земств оказались на 4% выше, чем данные ЦСК⁵. Д.И. Иванцов считал, что проведенный им анализ является достаточно «беглым»⁶ и не предлагал, основываясь на нем, вводить какие-либо коррективы в официальную статистику.

В 1924 г. появилась статья С.Г. Струмилина⁷, в которой он утверждал, что Госплан СССР, построив зерновой баланс для 1906–1914 гг., нашел, что расходная часть на 19% превышает официальный валовой урожай по данным ЦСК. С.Г. Струмилин считал, что данные баланса согласуются с результатами Д.И. Иванцова⁸. После этой статьи Госплан некоторое время давал в своих изданиях величину предвоенных урожаев с надбавкой в 19%, однако ЦСУ СССР никогда не применяло этой надбавки. Сотрудник ЦСУ Н. Виноградова в 1926 г. опубликовала большую статью с подробным сопоставлением всех имевшихся данных об урожайности по сведениям ЦСК и земств⁹. Оказалось, что данные земств зависели от применяемой методики: если их поставляли добровольные корреспонденты, то они — так же как данные Министерства земледелия — превышали цифры ЦСК, если же их получали через опросы, проводимые администрацией или через оценки волостного правления и сельских старост, то они оказывались ниже данных ЦСК¹⁰. «Если признать, что корреспондентские данные вообще могут быть несколько повышенными, — подводит итог Н. Виноградова, — то из всех приведенных данных вытекает, по-видимому, с достаточной степенью убедительности, что данные Центрального Статистического Комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*» (выделено Н. Виноградовой)¹¹.

Статья Н. Виноградовой до сих пор является наиболее детальным в российской историографии исследованием проблемы

сопоставимости данных урожайной статистики. По-видимому, основываясь на этих материалах, Госплан в дальнейшем отказался от применения поправки в 19% и стал использовать (также как и ЦСУ) данные ЦСК.

Западная историческая школа долгое время продолжала использовать 19%-ю надбавку Иванцова-Струмилина¹². Перелом в мнениях западных историков произошел только в 1974 г., когда появилось детальное исследование С. Уиткрофта «Реабилитация предвоенной российской урожайной статистики»¹³. С. Уиткрофт, в частности, разрешил вопрос о происхождении надбавки Иванцова-Струмилина, и выяснил, что, во-первых, материалы Иванцова совершенно не достаточны для введения каких-либо поправок. Во-вторых, С. Уиткрофт нашел в работе Н. Аделунга¹⁴ зерновой баланс Госплана, на который ссылался Струмилин и проанализировал причины различия данных в расходной части бюджета с данными ЦСК о валовых сборах в его приходной части. «В основном это различие можно объяснить при помощи норм потребления, которые были значительно выше, чем обычно используемые для этого периода, — отмечает С. Уиткрофт. — Может быть подсчитано, что Аделунг использовал личную норму потребления в 21 пуд на душу в год, в то время как норма, принимавшаяся А.В. Чайновым, А.Е. Лосицким, С.А. Клепиковым, Р.Я. Поповым и даже Н. Ясным не превосходила 17,2 пуда»¹⁵. В итоге, английский исследователь сделал вывод, что введение поправки в 19% было необоснованным¹⁶. Правда, в работе 1974 г. С. Уиткрофт не отвергал полностью возможности введения менее значительных поправок, как, например 7%-я поправка Фортунатова, и некоторые западные историки, в частности, П. Грегори, такую поправку вводили¹⁷. Однако в дальнейшем С. Уиткрофт и Р. Дэвис в результате проведенного анализа пришли к выводу, что «урожайные данные ЦСК были достаточно надежными»¹⁸.

Из российских историков за введение поправок к данным ЦСК в последнее время выступают М.А. Давыдов¹⁹, и Б.Н. Миронов²⁰ (хотя Б.Н. Миронов еще недавно, в работе 2002 г., использовал не исправленные данные²¹). Оба историка не привлекают каких-либо новых данных и ссылаются на старые работы А.Ф. Фортунатова и Д.И. Иванцова. Б.Н. Миронов признает значение результатов Н. Виноградовой, но выдвигает возражение: «Крестьяне в рав-

ной степени не доверяли как земствам, так и ЦСК и вряд ли могли сообщить и тем и другим правильные сведения»²². То есть под сомнение ставятся не только данные ЦСК, но и корреспондентские данные земств и Министерства земледелия. Напомню, что эти данные предоставлялись *добровольными* корреспондентами, которых никто не заставлял лгать, и поскольку эти корреспонденты принадлежали, по большей части, к числу зажиточных хозяев, то эти данные считались завышенными даже А.Ф. Фортунатовым. Основной аргумент введения поправок в новой работе Б.Н. Миронова — это ссылка на высказывание Струмилина о балансе Госплана, о котором говорилось выше²³. Но как уже отмечалось, С. Уиткрофт установил нереальность этого баланса.

Что касается работы М.А. Давыдова, то главным аргументом этого исследователя против статистики ЦСК являются данные о вывозе хлебов из некоторых губерний, который в отдельные неурожайные годы оказывался больше, чем собранный в губернии урожай. Например, в Оренбургской губернии в 1910 г. при урожае в 53,9 млн пуд пшеницы было вывезено 11,7 млн пуд, а в 1911 г. при урожае в 5,0 млн пудов было вывезено 7,4 млн пудов²⁴. Это «недоразумение», однако, легко объяснить тем, что до сентября 1911 г. (а возможно, и позже) вывозился хлеб предыдущего урожая, который был исключительно обильным. Таким образом, на данный момент мы не видим достаточного обоснования, чтобы отвергать статистику урожайности ЦСК или вносить в нее какие-либо поправки.

Такова ситуация с урожайностью. Что касается сбора, то он определялся ЦСК путем умножения урожайности на величину посева или посевных площадей. Данных о посевах Министерство земледелия не собирало, а в земских обследованиях они присутствуют крайне редко. Однако имеется еще один независимый источник, позволяющий оценить достоверность данных ЦСК о посевах, — это данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. В целом по 46 губерниям данные о посевах ЦСК превышали данные переписи на 8,8%, но поскольку, здесь, вероятно, сыграли роль военные обстоятельства, Особое совещание по продовольствию сделало вывод, что в целом данные ЦСК вполне достоверны²⁵. Эти выводы, в конечном счете, определили подход советских аграрных историков к проблеме сопоставимости ста-

тистических материалов: советская историческая школа традиционно использовала статистику ЦСК, «как наиболее систематический и наиболее полный набор данных»²⁶.

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о достоверности данных урожайной статистики ЦСУ СССР в 1920-е гг. В советский период данные сельскохозяйственной статистики ЦСУ принимались без каких-либо оговорок, однако относительно недавно И.В. Кочетков поднял вопрос о завышенности этих сведений в результате использования ЦСУ так называемых «поправок на недоучет»²⁷. Поэтому возникает необходимость более подробно рассмотреть вопрос о методике сельскохозяйственного учета ЦСУ.

Прежде всего, необходимо отметить, что получение данных о посевах и сборах было для ЦСУ непростой задачей. В отличие от предыдущего периода, налоги в советское время напрямую зависели от посевов и количества скота, и для определения этих (и некоторых других) параметров для каждого хозяйства Наркомфин ежегодно проводил сплошную перепись крестьянских дворов. Данные этих переписей, публиковавшиеся изданиях того времени, позднее были систематизированы В.П. Даниловым и Т.И. Славко²⁸. Во время переписей крестьяне сами предоставляли соответствующие данные, и уполномоченные Наркомфина без проверки заносили их в налоговые ведомости. Естественно, что, стремясь уменьшить налоги и будучи уверены в безнаказанности, хозяева намного занижали количество своих посевов и скота — и в целом сбор сведений проходил в столь напряженной обстановке, что о массовом контроле или репрессиях по отношению к укрывающим доходы не могло быть и речи. Ввиду массового укрывания посевов ЦСУ не могло строить свою отчетность по данным Наркомфина, и для того, чтобы определить их реальные размеры, оно проводило ежегодно весной пяти- или десятипроцентный выборочный опрос крестьянских хозяйств. Хотя в данном случае результаты формально не влияли на налоги, крестьяне из опасения сопоставления этих данных с налоговыми обычно давали одни и те же приуменьшенные сведения. В конечном счете, ЦСУ стало использовать как данные налоговой регистрации, так и результаты весеннего опроса, однако, чтобы компенсировать большой недоучет, ввело соответствующие «коэффициенты недоучета»²⁹. Однако, по мнению И. В. Кочеткова, введения этих коэффициен-

тов в действительности не требовалось и за реальные величины посева можно было принимать усредненные данные весенних выборочных опросов. «На точность результатов выборочных обследований крестьянских хозяйств влияло множество случайных событий, — пишет И.В. Кочетков. — Стремление населения “прибедниться” можно считать одним из них, ведущим к уменьшению выборочной средней по сравнению со средней генеральной совокупности. В противоположном направлении действовали нарушения механичности выборки, повышающие показатели среднего хозяйства... Объем выборки (до 1,2 млн крестьянских хозяйств по СССР) позволяет сослаться на закон больших чисел, согласно которому в выборке достаточно большого объема случайные влияния на выборочное среднее взаимоуравновешиваются и оно близко к среднему значению генеральной совокупности. Следовательно, величина посевной площади зерновых в среднем крестьянском хозяйстве, по данным весенних выборочных обследований ЦСУ, может служить для оценки размера посева хлебов, как по отдельным регионам, так и по всей территории России в целом без каких-либо поправок»³⁰.

В этих рассуждениях содержится принципиальная ошибка: И.В. Кочетков считает как приуменьшение посевов крестьянами из желания «прибедниться», так и «нарушение механистичности выборки» «случайными влияниями», в то время как и то, и другое влекли за собой не случайные, а *систематические* ошибки в данных опросов. К систематическим ошибкам закон больших чисел не применим; они не взаимоуравновешиваются в больших выборках, поэтому заключение И.В. Кочеткова в корне неверно: усредненные данные весенних опросов не дают реальной величины посевов. Для устранения систематической ошибки необходимо введение поправочных коэффициентов — и это прекрасно понимали специалисты ЦСУ, хорошо знакомые с математической статистикой.

Первый коэффициент, учитывающий влияние «прибеднения», определялся путем сравнения данных весеннего опроса и результатов ежегодного проводимых выборочных бюджетных обследований. Бюджетные обследования предполагали подробное описание 10–15 тыс. крестьянских хозяйств с проверкой данных путем сопоставления доходов и расходов, поэтому они давали

более точные размеры посевов³¹. Конечно, бюджетные обследования представляли собой ограниченную выборку, то точность результатов, получаемых по этой выборке, гарантировалась применявшимися ЦСУ методами математической статистики, в частности, известной теоремой Боули³².

Небольшая ошибка в бюджетных данных могла происходить только от «нарушения механистичности выборки». Это нарушение было связано с тем, что бедняки стремились уклониться от обследований, и в выборке (как в случае с довоенными опросами Министерства земледелия) в несколько большей пропорции были представлены более успешные хозяева. В итоге, бюджетные обследования немного завывшали размеры посева, и это учитывалось вторым коэффициентом — так называемой «скрытой поправкой», которая исчислялась из сопоставления результатов весеннего опроса и налоговых описей. Эти коэффициенты работали в противоположных направлениях, но влияние первого было намного существеннее, чем влияние второго — то есть эффект «прибеднения» намного превосходил результат «нарушения механистичности». В результате взаимодействия обоих коэффициентов получался единый «коэффициент недоучета». В конечном итоге, найденный по обследованным хозяйствам района коэффициент недоучета распространялся на все хозяйства района, то есть зафиксированная при весеннем опросе посевная площадь умножалась на этот коэффициент (табл. 1)³³.

Таблица 1

**Коэффициенты недоучета посева зерновых
в 1925–1927 гг.³⁴**

	1925	1926	1927
По всем районам	1,232	1,205	1,19
Центрально-Черноземная область	1,230	1,232	1,217
Уральская область	1,252	1,222	1,223

Известный статистик В.М. Обухов оценивал максимальную погрешность определения размеров посевных площадей всей страны с помощью поправок на недоучет в 2%, допуская, что для отдельных регионов она может оказаться большей³⁵. Полученные при внесении корректив результаты проверялись с помощью построения хлебофуражных балансов, как для всего Союза, так и для

отдельных регионов: таким образом выяснялось, соответствует ли исчисленный урожай реальным расходам зерна. С этой целью 26 мая 1926 г. при ЦСУ был создан «Экспертный Совет по оценке хлебофуражной продукции и хлебофуражного баланса СССР»³⁶.

Методика расчета с опорой на результаты бюджетных обследований использовалась в 1923–1926 гг., но затем метод расчета усложнился. Начиная с 1925 г., стали проводиться контрольные обмеры посевных площадей, которые постепенно приобретали все большие масштабы; 1927 г. было обмерено 1,08% всех посевов. При этом оказалось, что недоучет, зафиксированный при контрольных обмерах, немного (на 1–3%) превосходит недоучет, установленный при бюджетных обследованиях, и в 1928 г. Экспертный Совет пересчитал посевные площади 1925–1926 гг., внося соответствующую поправку³⁷.

В основу данных об урожайности брались данные, полученные во время ежегодных «осенних» опросов крестьянских хозяйств. Эти опросы были выборочными и распространялись на 2–3% всех дворов. Параллельно с 1925 г. были введены опросы примерно 10 тыс. «особо квалифицированных корреспондентов», а также использовались бюджетные обследования. На основе этих данных Институтом экспериментальной статистики были выведены средние коэффициенты недоучета в зависимости от непосредственных сообщений осенних опросов (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты недоучета урожайности³⁸

Непосредственное сообщение о сборе кг/га	165	330	495	660	825	990	1 155
Коэффициент недоучета	1,383	1,283	1,209	1,135	1,083	1,056	1,043

Как отмечалось выше, величина получившегося урожая проверялась балансовым методом. С 1928 г. в различных районах стали проводиться контрольные обмолоты — несмотря на то, что крестьяне относились к ним крайне враждебно. Эти обмолоты показали, что в целом недоучет урожайности был больше, чем предполагали ранее. В 1929 г. по Центрально-Черноземной области контрольные обмолоты дали коэффициент недоучета 1,228 против коэффициента 1,114, установленного бюджетными обследованиями, в Уральской области — 1,296 против 1,258³⁹. В справочниках ЦСУ

и местных статуправлений, изданных в 1928–1929 гг., эти данные, естественно, не учитываются, но их надо иметь в виду при общей оценке методологии определения урожая с помощью коэффициентов недоучета: получается, что вопреки сомнениям И.В. Кочеткова эти данные не завышали, а немного занижали урожайность. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что урожайные данные ЦСУ за 1925–1928 гг., зафиксированные в источниках, изданных до 1930 г., во всяком случае, не являются завышенными, и их можно использовать для сравнения с дореволюционными данными, которые, во всяком случае, не являются заниженными.

Рассмотрим теперь ситуацию с данными демографической статистики. В советский период материалы переписей 1896 и 1926 гг. не подвергались критике на предмет недоучета, однако в 1990-х гг. Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский и Т.Л. Харькова подняли вопрос о возможном недоучете переписью 1926 г. младенческой смертности⁴⁰. Введенная авторами поправка на недоучет увеличила средний коэффициент смертности 1925–1928 гг. (для всей территории СССР) с 20,6 % по официальным данным⁴¹ до 26,5%⁴², что поставило под вопрос прежние выводы об уменьшении смертности после революции. Многие исследователи, однако, не приняли поправки Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской. Так, например В.Б. Жиромская⁴³ продолжала использовать официальные данные о смертности. Неясность в этом вопросе привела к тому, что в некоторых современных обзорных работах не приводится никаких данных об уровне смертности в 1925–1928 гг.⁴⁴

Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский и Т.Л. Харькова опираются на официальные данные учета рождений в 1924–1926 гг.⁴⁵ и сравнивают их с данными переписи 1926 г., при этом оказывается, что «ожидаемые числа доживших из числа родившихся оказываются больше чисел детей, учтенных при переписи»⁴⁶. При этом ожидаемые числа доживших вычисляются с поправкой на недоучет регистрации рождений «загсами»: считается, что доля населения СССР на территориях, охваченных регистрацией, составляет 85,6%, а полнота регистрации 95,5%⁴⁷. В другой работе, где рассмотрение ограничивается Европейской частью РСФСР, авторы указывают, что «точных данных о доле населения на территориях, охваченных регистрацией, нет, поэтому, на основе косвенных данных нами были приняты следующие оценки: 1924 г. — 97%,

1925 г. — 98%, 1926 г. — 99%. Полнота регистрации для всех трех лет нами принята на уровне 1927 г. — 95,5% ...»⁴⁸. Естественно, что Европейская часть РСФСР, в отличие от всего Союза, была практически полностью охвачена регистрацией, но возникает естественный вопрос: почему полнота регистрации в обоих случаях принимается одинаковой — ведь в Европейской части РСФСР она должна быть много выше, чем в среднем по Союзу? Один из руководителей ЦСУ, М.П. Красильников, писал: что «сопоставление численности детей в возрасте до 1 года по данным переписи с исчисленным количеством их на момент переписи по данным органов ЗАГС о рождаемости и детской смертности обнаружало полноту регистрации фактов естественного движения населения по большинству районов РСФСР даже в отношении грудных детей...»⁴⁹. В. Песчанский⁵⁰ отмечает, что в Европейской части РСФСР (без Северного Кавказа и Дагестана) в 1926 г. было зарегистрировано ЗАГСами 3 089 769 новорожденных и 588 583 умерших в возрасте до одного года. Если считать — как это принято у статистиков⁵¹ — что 67% этого числа умерших (394 330) родилось в том же году, то число детей, моложе одного года, доживших до конца 1926 г., определится в 2 688 197 человек. По данным Всесоюзной переписи оказалось детей моложе одного года на той же территории 2 615 472 человек, то есть на 2,8% меньше. «Эту разницу, — заключает В. Песчанский, — целиком можно отнести за счет неточности показаний в возрасте детей при переписи, возможных пропусков, а также несовпадения критического дня переписи с концом года»⁵².

Поясним ситуацию табл. 3, повторяющей таблицу 2.1 из работы Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской, и дополненной нами в графе, отмеченной звездочкой.

Таблица 3

Сравнение результатов переписи 1926 года и результатов текущего учета ЗАГС для европейской части РСФСР

		Мальчики			Девочки		
		1924	1925	1926	1924	1925	1926
1	Число зарегистрированных рождений, тыс.	1 690	1 811	1 799	1 590	1 698	1 687
2	Охват территории регистрации	0,97	0,98	0,99	0,97	0,98	0,99

Окончание табл. 3

		Мальчики			Девочки		
		1924	1925	1926	1924	1925	1926
3	Полнота регистрации	0,955	0,955	0,955	0,955	0,955	0,955
4	Число рождений с учетом коррекции, тыс.	1 824	1 935	1 903	1 716	1 814	1 784
5	Коэффициенты дожития по таблицам смертности 1926–1927 гг.	0,708	0,747	0,845	0,741	0,78	0,869
6	Коэффициенты дожития, принятые Андреевым и др.	0,688	0,711	0,886	0,729	0,749	0,92
7	Учтено переписью, тыс.	1 196	1 250	1 519	1 192	1 235	1 479
8	Ожидаемое число доживших до переписи, тыс.	1 256	1 375	1 686	1 252	1 359	1 642
9	Поправки к переписи	1,05	1,1	1,11	1,05	1,01	1,11
10*	Ожидаемое число доживших до переписи*			1 520			1 466

Как видно из таблицы, авторы корректируют зарегистрированное число рождений, изменяя его в соответствии с оцененной ими полнотой регистрации. Далее экспертным путем выбираются коэффициенты дожития, скорректированная численность родившихся умножается на эти коэффициенты и получается ожидаемое число доживших до переписи. Это число оказывается больше, чем число зарегистрированных переписью, и соответственно, вводятся поправки к данным переписи, достигающие 11%. В конечном счете, результатом введения этих поправок явилось обнаружение огромного недоучета младенческой смертности, который для 1928 г. был оценен авторами в 40%⁵³. Это, конечно, противоречит утверждению М.П. Красильникова о том, что к 1926 г. регистрация актов гражданского состояния достигла исчерпывающей полноты. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в основе расчетов Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской, лежит ряд неочевидных допущений. Одно из них — это экспертное определение уровней дожития. Другое — это принятие уровня полноты регистрации в 95,5%, о котором мы говорили выше. Как проверить полноту регистрации на практике? Очевидно, это можно сделать, лишь сопоставляя данные регистрации ЗАГСов с данными переписи 1926 г. Действительно, если мы умножим приведенные в

табл. 3 числа родившихся по данным ЗАГСов в 1926 г. мальчиков и девочек на приводимые авторами коэффициенты дожития построенной по данным переписи таблицы смертности (строка 5), то получим, что до переписи должно дожить 1520 тыс. мальчиков и 1466 тыс. девочек — числа, практически совпадающие с числом реально переписанных младенцев (1519 и 1479 тыс.). Что касается точности данных о рождаемости 1924 и 1925 гг., то в свое время А.Я. Боярский, сопоставив эти данные с таблицей смертности, пришел к выводу об «отсутствии большого недоучета родившихся»⁵⁴. В итоге, утверждение М.П. Красильникова о полноте регистрации получает несомненное подтверждение.

Таким образом, на сегодняшний день мы не имеем оснований не доверять данным официальной статистики и предполагать огромный недоучет младенческой смертности, постулируемый Е.М. Андреевым, Л.Е. Дарским и Т.Л. Харьковой, — во всяком случае, на территории Европейской части РСФСР.

В итоге, можно утверждать, что имевшие место в последние десятилетия попытки поставить под сомнение данные официальной статистики ЦСК МВД и ЦСУ, по крайней мере, на данный момент, не являются достаточно обоснованными. Однако, дискуссия и дальнейшее обсуждение вопроса о достоверности этих данных, были бы, несомненно, полезными.

Примечания

¹ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. I. СПб., 1902. С. 81.

² Фортунатов А.Ф. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., 1893. С. 6.

³ Там же. С. 63.

⁴ Иванцов Д.И. К критике русской урожайной статистики. Пг., 1915. С. 26.

⁵ Там же. С. 129.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Струмилин С.Г. К реформе урожайной статистики // Плановое хозяйство. 1924. № 4–5. С. 58–65.

⁸ Там же. С. 61.

⁹ Виноградова Н. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1926. Кн. 23, 24.

¹⁰ Там же. Кн. 24. С. 88–89.

¹¹ Там же. С. 90.

¹² См. например: Jasny N. *Soviet Economists of the Twenties*. Cambridge, 1972.

¹³ Wheatcroft S. *The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics* // *Soviet Studies*. 1974. Vol. 26. P. 157–180.

¹⁴ Аделунг Н. Довоенная сельскохозяйственная продукция. Плановое хозяйство 1925. № 11. С. 309–340.

¹⁵ Wheatcroft S. *Op. cit.* P. 167.

¹⁶ *Ibid.* P. 167–168.

¹⁷ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX–начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003.

¹⁸ Wheatcroft S. G., Davies R. W. *The crooked mirror of Soviet economic statistics* // *The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945* / editors R.W Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 25.

¹⁹ Давыдов М.А. *Очерки аграрной истории России в конце XIX–начале XX вв.* М., 2003; Он же. К вопросу о «голодном экспорте» хлеба из России // *Экономическая история*. Ежегодник. 2003. М., 2004.

²⁰ Миронов Б.Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX–начале XX вв.? // *Уральский исторический вестник*. 2008. № 3. С. 81–95.

²¹ Миронов Б.Н. «Сыт конь — богатырь, голоден — сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX–начала XX века // *Отечественная история*. 2002. № 2. С. 30–43.

²² Миронов Б.Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов... С. 91.

²³ Там же.

²⁴ Давыдов М.А. *Очерки аграрной истории...* С. 67.

²⁵ Ковальченко И.Д. *Аграрный строй России второй половины XIX–начала XX в.* М., 2004. С. 48.

²⁶ Там же. С. 44.

²⁷ Кочетков И.В. *Зерновое производство в годы НЭПа: действительность и возможности* // *Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд*. М., 2000. С. 83–85.

²⁸ *Крестьянское хозяйство, колхозы и совхозы СССР в 1924/25–1927/28 гг. По данным сводок наркомфина СССР* / сост. В.П. Данилов, Т.И. Славко. Вып. I–III. М., 1977.

²⁹ Дубенецкий Н. *Хлебофуражная продукция СССР за 1925 и 1926 гг.* // *Статистическое обозрение*. 1928. № 1. С. 21, 25; Обухов В.М. Поправки к посевным площадям 1925 г. // *Статистическое обозрение*. 1928. № 5. С. 8.

³⁰ Кочетков И.В. *Динамика зернового производства в СССР (1923–1926 гг.)* // *Из истории экономической мысли и народного хозяйства России*. М.; Волгоград, 1997. С. 166.

³¹ О бюджетных обследованиях см.: Бокарев Ю.П. *Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник*. М., 1981.

³² Струмилин С. Г. К хозяйственному плану на 1921/22 г. // На плановом фронте. 1920–1930. М., 1958. С. 26.

³³ Шорнель В. Весенний опрос и налоговые списки // Вестник статистики. 1929. № 3–4. С. 231–239; Основные элементы и продукция сельского хозяйства СССР за 1925/1926–1928/1929 гг. М., 1928. С. 125.

³⁴ Обухов В. М. Поправки к посевным площадям... С. 16.

³⁵ Там же. С. 17.

³⁶ Дубенецкий Н. Хлебофуражная продукция... С. 20.

³⁷ Дубенецкий Н. Продукция зерновых культур СССР в 1927 году // Статистическое обозрение. 1928. № 5. 2. С. 17; Обухов В. М. Поправки к посевным площадям... С. 8; Основные элементы... С. 125.

³⁸ Юрцевский М. Предварительные итоги контрольных нажимов и обмолов в 1929 г. // Статистическое обозрение. 1930. № 3–4. С. 101.

³⁹ Там же. С. 103.

⁴⁰ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993. С. 15–19; Они же. Демографическая история Российской Федерации. 1927–1959. М., 1998.

⁴¹ Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 242–253.

⁴² Подсчитано по: Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза... С. 120.

⁴³ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 9–10.

⁴⁴ См., например: Население России в XX веке. Т. 1. / отв. ред. Ю. А. Поляков. М., 2000.

⁴⁵ Естественное движение населения Союза ССР. 1923–1925. М., 1928.

⁴⁶ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза... С. 17.

⁴⁷ Там же. С. 18.

⁴⁸ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Демографическая история Российской Федерации... С. 51.

⁴⁹ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г... С. 5.

⁵⁰ Песчанский В. Предварительные итоги естественного движения населения за первое полугодие 1927 года по Европейской части РСФСР // Статистическое обозрение. 1928. № 2. С. 88.

⁵¹ Паевский В. В. Методика измерения детской смертности в возрасте от 0 до 1 года // Антонов А. Н. Смертность грудных детей, ее причины и меры борьбы. М.; Л., 1931. С. 207.

⁵² Песчанский В. Указ. соч. С. 88.

⁵³ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Демографическая история Российской Федерации... Приложение 2.

⁵⁴ Боярский А. Я. К вопросу о естественном движении населения России и СССР в 1915–1923 гг. // Боярский А. Я. Население и методы его изучения. М., 1975. С. 229.